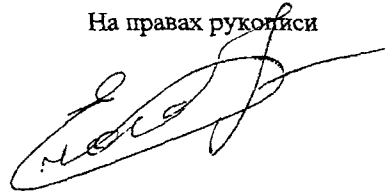

На правах рукописи

Чабанец Елена Николаевна

**ДУХОВНЫЕ ПРАКТИКИ ИСКУССТВ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
КИТАЯ И ЯПОНИИ**

24.00.01 – теория и история культуры

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск - 2006

Работа выполнена на кафедре философии ГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Сысоева Любовь Семеновна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Григорьева Татьяна Петровна
кандидат философских наук, доцент
Свистунов Валерий Николаевич

Ведущая организация: Академия культуры и искусства
(КемГУКИ) г. Кемерово

Защита состоится 11 мая 2006 г. в 14.30 час. на заседании диссертационного совета Д 212.267.17 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 36. ауд. 119.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Томского государственного университета по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34а.

Автореферат разослан «11» апреля 2006 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.267.17
кандидат философских наук, доцент

В.Е. Буденкова

2006 А
7609

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

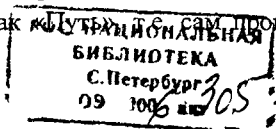
Тема данного исследования предполагает обращение к повседневности как феномену культуры. Актуальность темы обусловлена ростом межкультурных коммуникаций, возрастанием интереса к разнообразию культурных типов. Востребованность современностью восточного эстетического потенциала требует его изучения, тем более, что именно повседневные искусства чаще всего приходят в другие культуры. Духовные практики дзен-буддизма представляют собой систему духовного роста и восхождения через творческий потенциал, который отражен в искусствах повседневности.

Морально-нравственные и эстетические учения о духовном здоровье человека в условиях тех «человеческих затруднений» (Аурелио Печчеи), которые обусловлены особенностями современного этапа развития цивилизации как бытийной тотальности машинных образований (Т.Имамичи), становятся особенно актуальными.

Тема диссертационного исследования охватывает проблематику, освещающую сущностные характеристики духовного творчества буддийского региона. В этой связи особое внимание уделяется понятиям «духовность», «буддийская культура», «духовные практики», «этико-эстетическая духовность», «интеллектуальный аспект в духовном развитии», «физическая духовность» и «телесная духовность».

Современная повседневность формирует новые ценности и приоритеты в обществе вследствие активной межкультурной коммуникации и ассимиляции цивилизационных достижений различных регионов. Формируется толерантность культурных, в том числе религиозных, национальных сообществ. Восточная культура так же ассимилируется в современной мозаике менталитетов. Востребованность «опыта» восточных культур поднимает вопрос адекватного понимания их философского наследия. Вследствие специфики повседневной культуры Китая и Японии, искусства повседневности этих восточных регионов близки к религиозным практикам и отражают культурно-философские основы, заложенные в традиционализме этико-эстетического творчества.

Повседневность в духовных практиках Востока непосредственно связана не только с синтоизмом и даосизмом, но и с буддийским мировоззренческим комплексом, который аккумулирует в себе и отражает другие культурно-религиозные компоненты, исторически заложенные в культуру повседневной жизни. В культурном своеобразии духовных практик повседневности первостепенное значение имеет такой феномен, как «Путь», т.е. сам процесс

творчества, который помогает человеку духовно совершенствоваться вне зависимости от степени погруженности в изучение классических религиозно-философских систем. Повседневность паритетно включает в себя философско-религиозно-мировоззренческие системы, существующие на этой территории, используя в способе организации жизни, наряду с буддийскими, даосские и синтоистские практики. При этом положение буддизма имеет некоторый приоритет, поскольку и синтоистские, и даосские практики вошли в систему его философско-мировоззренческих знаний и, ассимилировавшись, стали частью чань (дзэн)-буддийского учения. Таким образом, повседневность создает свою систему комплексных знаний и умений, независимо от их первоначальной формы и происхождения и включает механизмы оповседневнивания всех существующих и вновь приходящих практик различных духовных систем, соединяя в одно целое различные проявления человеческой творческой мысли. Это и есть повседневная философия или философия повседневной жизни буддийского Востока, особенно ярко представленная в искусствах повседневности Китая и Японии и получившая название буддийского синкретизма (Д.Г.Главева).

Таким образом, проблематика исследования заключается в изучении возможностей роста духовного потенциала человека средствами повседневного творчества буддийского Востока. Актуальность проведенного исследования заключена в необходимости раскрытия основ духовного становления человека как триединства психофизических, этико-эстетических и интеллектуальных аспектов, заложенных в традиционную систему повседневных искусств. Актуальность обусловлена необходимостью декодирования механизмов, регулирующих гармоничное взаимодействие этих аспектов средствами искусств повседневности Китая и Японии как наиболее репрезентативных в этом отношении, что расширяет методологию постижения культуры.

Степень разработанности проблемы

Теоретические обоснования культуры повседневности согласно европейской традиции изложены в работах Б. Вальденфельса, Ж. Лс Гоффа, Э. Гуссерля, У. Джеймса, А.Щюна, Н. Элиаса, И.В. Сохань, О.В Солодовниковой и др. Восточная культура, вследствие близости ее базиса к религиозно-философским мировоззренческим структурам, обнаруживает специфику проявления особенностей повседневности. Особенность восточной повседневности состоит в исходном отличии восточной и западной культур, что, соответственно, предстает как различие феноменов «понимание» и «познание». Вследствие этого человек повседневности буддийского Востока стремится к осмыслению реальности через преломление вселенских процессов в пространстве страны, семьи, конкретного человека, т.е. внутренний мир

предстает как интроспекция макрокосма, экзистенциально отраженного в контексте повседневности. Этот контекст представлен в работах Т.П. Григорьевой, Н.Г. Анариной, Л.М. Ермаковой, Т.Н. Снитко и др. Осмысление проблемы повседневности в культуре стран, где преимущественно развита буддийская философия, потребовало изучения и сопряженных с ней религиозно-философско-мировоззренческих систем, поскольку они, так или иначе, транслируются в практиках повседневного творчества.

Уникальность искусств буддийского региона, как и особенности самого процесса творчества, герменевтика творчества как формы духовных практик, духовная зрелость мастера, создающего произведение – всё это нашло отражение в работах Догэна, Д.Т. Судзуки, Т.П. Григорьевой, Д.Г. Главевой, Н.Г. Анариной, Т.И. Береславец, Е.М. Дьяконовой, М.В. Воробьёва, Д.Воскресенского, М.П. Герасимовой, О.Н. Глухаревой, Л.М. Ермаковой, Е. Катасоновой, Л.М. Левина, И.С. Лисевич, Э.В. Молодяковой, З.П. Морохоевой, Н.С. Николаевой, В.А. Пронникова, Е.А. Сердюк, Е.Л. Скворцовой, Д. Стенли-Бейкер, О.Н. Томилиной, Teshigahara Hiroshi, , Л.Херн, М. Пай, Х. Сато, Yo. Ueda и др.

На современном этапе развития мировой цивилизации с ее технократизмом и прагматизмом своевременно и актуально звучит тема нарушения духовной гармонии микрокосма, которая выражается в нацеленности на личное благополучие, невосприятии духовных и нравственных аспектов жизни, что обуславливает интенцию к Востоку. Изучение духовной культуры буддийского региона нашло отражение в работах русских исследователей разных лет (Т.П. Григорьева, Н.В. Абаев, Н.Г. Анарина, Я.В. Боцман, Л.С. Васильев, Л.М. Ермакова, Е.В. Завадская, Е.П. Островская, В.И. Рудой, В.В. Малявин, Ф.И. Щербатской и др.).

Наконец, нельзя не сказать об исследованиях А.Н. Мещерякова, который сумел раскрыть отношение наблюдаемого и наблюдателя (объекта и субъекта) в традиционной восточной философии через анализ их взаимодействия в процессе творчества. Здесь позиция наблюдателя отнюдь не сторонняя, без него предмет восприятия существует только как объект, т.е. независимо от наличия глаза (взгляда). Анализ семантики взгляда, начатый Л.М. Ермаковой, нашел продолжение у А.Н. Мещерякова, Д.Г. Главевой, Е. Сахаровой. Но в то же время тема специфики «буддийского зрения» еще малоисследована.

Сакральное восприятие вещи заложено в лингвистической культуре буддийского региона. Восприятие повседневных вещей как проявления божественной сущности на земле сформировало особые формы повседневного творчества, сравнимые с медитацией, молитвой. Этот аспект анализируется в работах М.П. Герасимовой, Т.П. Григорьевой, Л.М. Ермаковой, Е.М.

Дьяконовой, А.Н. Мешерякова, Э.В. Молодяковой и др. Они обратили внимание на то, что понятие «вещь» в ментальности буддийского Востока лингвистически включает в себя не только артефакты предметной среды, но и существа животного мира, в том числе и человека, что определяет отношение к окружающему как к различным проявлениям сущности Дао и приносит ощущение одухотворенности при контакте с вещным миром.

Разнообразие возможностей творческого поиска предполагает оптимальную динамику личностного роста человека, этико-эстетической, психофизической и интеллектуальной составляющих этой динамики. Об этом пишут Н.В. Абаев, Н.Г. Анарина, Т.П. Григорьева, А.А. Григорьев, Л.М. Ермакова, Ван Тинсян, Икэгути Экан и др., что нашло дальнейшее развитие в диссертации путем анализа искусств повседневности как духовных практик Китая и Японии.

Духовность как умение корректировать свой внутренний мир определенными морально-нравственными нормами отражена в текстах Васубандху, Лао-Цзы, Сюнь-цзы, Ван Янмина и др.

Отношение к своему организму как пластичному материалу формирования материальной оболочки (тела) для оптимального восприятия духовных знаний посредством практик телесной и физической духовности, психофизических практик представлено в работах Д. Судзуки, Ар Сантема, С. Судзуки, С. Кацуки, Икэгути Экана и др. и отражено в многочисленных направлениях школ йоги.

Восточные искусства повседневности в своем варианте духовных практик подразумевают наработку некоторых качеств личности, способствующих интровертивному восприятию для последующего экстравертивного действия. Состояние внутреннего мира, которое необходимо для творчества, анализируется Н.Г. Анариной, Т.П. Григорьевой, Э.В. Молодяковой и др., как и практика медитации в движении для восточных единоборств отражена в работах Догэна. Дзеами Мотокие, С. Кацуки. С. Судзуки, Хакуина Экаку. Духовные навыки определяют результат творчества, при этом психофизические умения - одна из составляющих проявленного функционирования творческого потенциала, которая дает возможность его репрезентировать посредством этико-эстетических возможностей человека в сфере психофизических практик.

Зарубежные и отечественные исследователи отмечают изменения физического характера в результате практик телесной духовности, когда под воздействием мысли происходит перестройка организма на клеточном уровне (Б. Херцбергер, И. Ренчлер, Д.М. Эпстайн, Ш. Бигли, Н. Паньямента, В.И. Петров, Н.Н. Седова и др.). Духовное здоровье, как подтверждают эти

исследования, определяет физическое состояние организма. В контексте восточных учений физическое здоровье как неотъемлемая составляющая духовности есть точка конвертации духовного и физического потенциала, что осознается на протяжении более двух тысяч лет йогическим учением («Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья», «Абхидхармакоша» Васубандху и др.).

Базовые понятия и законы гармоничного существования микрокосма в континууме макрокосма заложены древними мыслителями буддийского Востока в текстах духовного наследия, дошедших до современности (тексты Васубандху, Лао Цзы, Нихон Сёки, Норито Сэме, Пу И, Догэна и др.).

Различные стороны духовного развития получают конкретную проработку и апробацию в многочисленных ответвлениях буддийского учения. Так, секта «Путь Тэнри» делает акцент на истине-искренности, аспекте, который в числе прочих важных составляющих отмечен в учениях даосизма, конфуцианства, чань-, (в японском варианте) дзэн- буддизма, синтоизма. Таким образом, в литературе раскрываются отдельные стороны изучаемой проблемы, но творческий аспект духовных практик в контексте искусств повседневности не достаточно исследован.

Объект исследования: повседневность в духовной культуре Китая и Японии.

Предметом исследования являются духовные практики восточных искусств повседневности в буддийской культуре Китая и Японии.

Целью исследования является выявление творческого потенциала искусств повседневности как духовных практик совершенствования человека. В соответствии с поставленной целью определяются следующие **задачи**:

- показать духовный потенциал учений буддийского Востока Китая и Японии и его актуальность в современной культуре;
- выявить особенности религиозного, этико-эстетического, интеллектуального и психофизического контекста творчества в культуре повседневности буддийского Востока;
- провести концептуальный анализ сакрального понимания вещи в традиционных культурах Востока;
- раскрыть роль искусств повседневности в выражении сакральной духовности Китая и Японии и их значимость как практик духовного восхождения человека;
- представить искусства повседневности буддийского Востока как тренинг психофизических и интеллектуальных качеств человека.

Теоретические и методологические основания исследования

В основу исследования легли востоковедческие философские, культурологические, искусствоведческие тексты, ставшие основой герменевтического понимания и анализа духовных учений буддийского Востока, которые определили духовный контекст искусств повседневности Китая и Японии и их роль в духовном совершенствовании человека. Герменевтический метод лег в основу построения концепции сакральности вещи. Были использованы праксеологические наработки в области формирования телесной духовности, изучены методы йогических практик и восточных единоборств.

Особую методологическую роль имеют исследования специалистов востоковедов, признанных мировой наукой. Именно они открыли новые пути исследования буддизма, а также указали на еще не исчерпанные возможности старых, традиционных. Это, прежде всего, касается работ Т.П. Григорьевой, раскрывающих свободу личности как следование Дао, силу духа и мысли человека как полноправной части творческой мысли Вселенной, проявляющейся в законе Всеединства Дао; Д.Т. Судзуки, указавшего на перспективу изучения вопроса о диалоге материал – художник в дзэнском творчестве и положившего начало изучению искусств повседневности.

В исследованиях авторов, на работы которых мы опирались, значительное место уделяется межкультурному взаимодействию, эгническому взаимовлиянию и механизму формирования традиций, эндогенным и экзогенным инновациям в культуре. Методологически для нас это особенно важно, поскольку в данной работе речь идет о возможности обогащения любой культуры, в том числе и российской, за счет включения элементов других культур, в частности буддизма.

Методологически важным для нас является разработанное в мировой и отечественной культурологии и этнографии положение о синкретическом характере традиционных культур (со слабой расчлененностью сфер бытия, с полным или почти полным включением в природную среду). Не менее важным является для нас положение психологии о том, что высшие, опосредованные знаками функции, имеют культурную, а не генетическую природу, поэтому формируются и изменяются вместе с культурой.

На протяжении исследования мы старались придерживаться принципов историзма, обязывающего рассматривать любое явление культуры в развитии, в связи с общими изменениями социума.

Научная новизна исследования

В связи с тем, что автор по-новому интерпретирует взаимосвязь духовных классических учений и включенности в них этико-эстетического

потенциала в китайской и японской культурах повседневности, впервые в данном исследовании:

1. Раскрыты особенности этико-эстетического и религиозного контекста творчества повседневности;
2. Выявлено триединство этико-эстетического, психофизического и интеллектуального аспектов искусств повседневности как основополагающего фактора формирования сакральной духовности и гармонизации микрокосма человека;
3. Представлен механизм искусств повседневности как самостоятельных духовных практик и выявлена специфика тренинга психофизических и интеллектуальных качеств личности в ее духовном совершенствовании;
4. Объяснены отличительные особенности телесной и физической духовности как составляющих психофизических практик.

Положения, выносимые на защиту

1. Формирование творческого потенциала в повседневной Восточной культуре напрямую зависит не столько от сугубо религиозных практик, сколько определено искусствами, практикуемыми в обыденной жизни, которые вследствие процессов инкультурации аккумулируют в себе одновременно буддийские, синтоистские и даосские элементы;
2. Искусства повседневности являются разновидностью духовных практик и проявляют способность самопроизвольно сохранять и ретранслировать заложенный в основу творчества духовный этико-эстетический и религиозный контекст восточного мировоззрения;
3. Все искусства буддийского Востока становятся источником опыта души и знаний, предопределенных самим процессом творчества, что обеспечивает духовное совершенствование человека именно в повседневности.
4. Обязательным условием формирования духовности является гармоничное развитие в трех направлениях – этико-эстетическом, физическом и интеллектуальном, практики каждого из которых и всей системы в целом представлены в сфере повседневных искусств.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что оно раскрывает процесс формирования духовности через искусства повседневности Китая и Японии. В работе сформулирован принцип триединства духовной гармонии, выявлена специфика восприятия мира в культуре Китая и Японии, основанная на классическом принципе «Одно во всем и все в едином». Путем анализа дхармической теории представлена восточная практика медитации в творчестве как единство объекта и субъекта в понимании мира. Работа обогащает культурологическую теорию пониманием

разницы физической и телесной духовности на уровне психофизического и ментального тренинга.

Повседневность Востока характеризуется традиционализмом и в течение многих веков мало подверглась изменениям. Практическая значимость исследования связана с тем, что его результаты могут быть использованы в качестве теоретико-методологических принципов для создания новых современных учебных программ, обогащения этико-эстетическим компонентом курсов философии культуры и искусств, культурологии, теории и истории культуры, занятий в сфере дополнительного образования. Идеи диссертации получили отражение не только в практической деятельности преподавания восточных искусств в студии «Сакура» при ТГПУ г. Томска, но и нашли применение в томских образовательных центрах: во Всероссийском обществе образования, в школе № 42, в Центре планирования карьеры, в Доме творчества Северного округа, при проведении занятий в китайской корпорации «Тяньши».

Материалы диссертации могут быть использованы для работы при составлении спецкурсов высших учебных заведений, специализирующихся в области философии и теории культуры, нравственно-эстетического воспитания и религиоведения.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации были представлены автором на международных и общероссийских конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование», Томск (2001, 2002, 2004, 2005г.); Общероссийской юбилейной научно-методической конференции «Непрерывное педагогическое образование: качество, проблемы, перспективы», Томск, январь 2002г.; Международной конференции «Россия – Азия. Проблемы интерпретации текстов русской и восточной культур» Улан-Удэ, июль 2002г.; на Международной конференции «Образование и искусство в формировании целостной личности: междисциплинарные стратегии и комплексные технологии (опыт, проблемы, перспективы)» Томск, декабрь 2002г.; на Международной научно-практической конференции «Гуманитарные исследования и их роль в развитии педагогического образования» Томск, ноябрь 2002г.; на Всероссийской научной конференции «Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири» Томск, сентябрь 2003г.; Международной научной конференции «Межкультурные коммуникации как фактор открытости региональной культуры 15-17 октября 2003г.»; на Всемирном конгрессе востоковедов ICANAS – XXXVII, Москва, 15 – 21 августа 2004г.

Результаты диссертационного исследования опубликованы в 11 статьях и двух коллективных монографиях: «Культура и коммуникация: глобальные и

локальные измерения» Томск: Изд-во НТЛ, 2004; «Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности», Томск: Изд-во НТЛ, 2004.

Объем и структура работы отражают цель и задачи исследования, последовательное решение которых отражено во введении, пяти параграфах двух глав, заключения, словаре некоторых терминов духовной культуры буддийского Востока. Список литературы на русском и английском языках включает 255 наименования, объем диссертации 178 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяются цель и задачи исследования, отмечается научная новизна, раскрываются методологические посылки работы, её теоретическая и практическая значимость, положения, выносимые на защиту, а так же апробация исследования данной темы в научных кругах.

Глава I «Духовные учения буддийского Востока и выражение духовности в искусствах повседневности» раскрывает состояние кризиса духовности в техногенном мире и тем самым высвечивает востребованность духовных учений буддийского Востока, представляет их принципы, которые выражены в искусствах повседневности.

Первый параграф главы **«Востребованность духовных учений буддийского Востока в условиях технократического кризиса культуры»** посвящается духовным учениям буддийского Востока в аспекте их востребованности и актуальности в условиях развития современной цивилизации. В сравнении рассматриваются различные уровни мышления человека с точки зрения психологии европейского мышления и восточных духовных доктрин, которые легли в основу буддийского мировоззрения. Делается вывод о том, что в результате нарушения законов духовной экологии во Вселенной современная цивилизация находится в состоянии технократического кризиса. О тревожной тенденции замещения духовных и душевных качеств различными техническими достижениями писали многие современные востоковеды России и Японии. Т.Имамичи определил это как «искусство уничтожения личностных характеристик» в техногенной цивилизации. Понятие «духовность» в работе определяется как высшая человеческая способность смыслополагания и преобразования. Духовные практики расцениваются как способ восхождения личности к гармонии микрокосма и макрокосма

Гармоничное взаимодействие микро- и макрокосма для позитивного эволюционного развития представлено духовными практиками буддизма уже в архаичных текстах, созданных древними мыслителями буддийского Востока.

Васубандху в «Энциклопедии Абхидхармы» анализирует с помощью дхармической теории взаимосвязь помыслов человека, духовного совершенствования, здоровья и благополучного течения жизни. Причины и последствия «неблагих действий» выступают как основополагающие факторы формирования кармы. Согласно его учению, при соблюдении определенных этических правил, предписанных буддийским учением (Пратимокша), «свобода деятельности» не может носить «неблагой характер».

В XX в. Д.Т. Судзуки, в отличие от Васубандху, по-другому представил понимание природы благих и неблагих дхарм и их роли в эмоциональной жизни человека. Он определил дхармы как «сэрна единомоментных состояний», которые заключены в самом человеке при рождении, и представил «растормаживание» тех или иных дхарм как результат уровня нравственности личности. Васубандху же в своих трудах определял природу дхарм как внешний фактор, который, при несоблюдении определенных морально-нравственных норм, способен отрицательно влиять на духовную природу человека. Автор диссертации делает вывод, что на протяжении двух тысяч лет произошло переосмысление природы дхарм от понимания их как внешних факторов воздействия на человека до осознания изначального включения в структуру личности нерасторможённых и активируемых «благих», в том числе и «не благих» дхарм. Таким образом, именно человек несет ответственность за проявление тех или иных активированных дхарм, поскольку дхарма - это энергия, причина эмоций, но, в свою очередь, растормаживается определенной реакцией человека на внешний фактор. Поскольку эмоциональную подоплёку несут в себе все виды искусств, то их можно расценивать как средство растормаживания и активирования дхарм. Искусства повседневности изначально несут позитивный потенциал эволюционного развития личности, растормаживая «благие» дхармы внутренней структуры. Этот аспект искусств повседневности аналогичен цели духовных практик, главной задачей которых на буддийском Востоке в любом религиозном течении считается духовная эволюция личности. Вследствие чего в работе делается вывод, что искусства повседневности Китая и Японии можно расценивать как духовные практики повседневности в культуре буддийского Востока.

Учение Будды актуально в условиях современности и легло в основу доктрин многочисленных буддийских сект. Этот факт дал новое направление исследований, которое получило название критического буддизма, о чем говорилось в пленарном докладе Такасаки Джекидо на Международном конгрессе IKANAS XXXVII. Японские буддологи подвергают тщательному анализу не только хронологию событий, но и достоверность авторства древних текстов. Глубокая проработка отдельных аспектов буддийского учения в

рамках конкретных сект не ущемляет цельности буддийской доктрины, а расценивается учеными как возможность дальнейшего развития буддизма и буддологии в условиях современного общества. Вследствие этого анналы духовных учений буддийского Востока сохраняют актуальность и на современном этапе развития цивилизации, несмотря на смещение ценностных приоритетов повседневной жизни.

Во втором параграфе первой главы «**Особенности религиозного и этико-эстетического контекста творчества буддийского Востока**» раскрывается творческий контекст проявления этико-эстетической духовности согласно сложившемуся мировоззрению. Глубокий этико-религиозный подтекст восточных искусств выражается духовными качествами личности мастера. Воплощение принципа Дао с помощью мира искусств дает основания утверждать, что восточные искусства – это та область, где духовные ценности материализуются, а материальные – одухотворяются в соответствии с уровнем духовности мастера.

Окружающий мир для человека буддийского Востока одухотворен, условно разделяясь лишь на движущиеся и не движущиеся объекты. Вследствие такого восприятия предметов, которые используются для творческого конструирования пространства, мастер формирует объект в соответствии с религиозно-философскими установками восприятия единой космической гармонии (сад камней, внутреннее убранство дома, икебана и т.д.). Создание микрокосма сада камней подразумевает ответственность создателя за привнесение новой структуры в гармонию вселенского пространства. В результате этого первостепенное значение приобретают религиозно-этические учения как основное руководство творческого процесса. В «Книге перемен» сказано: "в смешении вещей проявляется жизненная сила". Природа повседневных искусств изначально подразумевает позитивность трансляции смыслов созданных микрокосмов, растормаживание "благих" дхарм, рождение жизненной силы. Искусства повседневности – это сфера творческого пространства, подчиненная рациональности и практической значимости обыденной жизни, притом что рациональным и практически значимым для человека буддийского Востока является формирование себя как личности в соответствии с принципами Дао, и повседневное творчество формирования окружающего пространства адекватно отвечает этой цели. Искусства повседневности в ракурсе заданной гемы предстают как метод духовных практик, благодаря которому микрокосм имеет возможность гармонично влиться в мировые процессы

Этика понимается в буддизме как природосообразные взаимоотношения не только в социуме, но и во всем мировом пространстве, поскольку для

буддиста камни, деревья и прочие объекты окружающего мира обладают душевным потенциалом, с которыми человек вступает в общение. Этика расценивается как руководство к духовному восхождению, при этом соблюдение ее – не единственное условие развития личности. Собственно, «путь праведности из восьми ступеней» есть ни что иное, как этическое руководство к достижению просветления.

Для буддийского Востока главной целью творчества является просветление, поэтому на Востоке к процессу творчества относятся трепетно и бережно, выводя на сакральный уровень степень переживаний и чувств. Сущность и тайна мастерства в буддизме – один из самых главных вопросов духовного совершенствования личности. Спонтанность самовыражения в творчестве при явно выраженном традиционализме искусств буддийского Востока определяет степень взаимопроницаемости микро- и макрокосма.

Именно непредвиденные изменения удостаиваются наибольшего внимания. Благодаря случайности, изваяния Будды в Японии оказались без постаментов и нимбов (все это снималось для упрощения транспортировки из Китая), что в дальнейшем сыграло свою роль при формировании понимания буддизма в Японии.

Обучение творчеству – это, прежде всего, навык работы души, наработка духовных качеств, в том числе и с помощью методов материально-художественного творчества. Для подлинного акта творчества необходимо осознание Дао как сути духовной эволюции. Подразумевается серьезная работа над личностными качествами повышения духовного уровня, что и обеспечивает сфера искусств повседневности в восточной культуре Китая и Японии. Духовные учителя утверждают, что не имеет значения, каким родом деятельности ментального и материального плана человек занимается в то время, когда запускает механизмы духовного совершенствования. важна при этом целенаправленная повседневная внутренняя работа над самим собой.

Феномен повседневности имеет как общие, так и отличительные черты в европейской и в восточной культурах. Повседневность в условиях Восточной культуры поддается определению очень условно, поскольку сакрализация пространства, частично – «мандализация» вследствие традиционализма его обустройства обусловлена мыслительной организацией культуры Востока. Анализируя культурные продукты европейского и восточного типов, мы приходим к обозначению их как Познание (европейская культура) и Понимание (восточная культура) при условии, что Познание и Понимание наполняются не только психологическим смыслом, а воспринимаются как имена духовные, культурные.

Так, на Востоке суть творчества выражается в культуре повседневности принципами тя-но-ю, воплощением адвайты, акрии, анити, ваби-саби, дхьяны и иных особенностей практик, которые транслируют буддийские принципы мировоззрения. Китайские искусства повседневности апробировались на почве японской духовности, в том числе искусство бонсай, монохромной живописи, аранжировки цветов и др. Многообразие вещей, открытых Миру китайскими мудрецами, включает в себе комбинацию принципов ли и ци, Великий предел, который содержит ци, но не исчерпывается им. Японцы же показали путь к Великому пределу через истину красоты. Расчет, размеренность и прагматичность в восприятии мира китайскими мудрецами смягчились японской традицией легкой незавершенности, незаконченности мысли и действия, элементом спонтанности, асимметрии как понимания обязательного условия гармонии. Путь Китая – моральный закон Вселенной, путь японцев – очищение души красотой, изначально присущей миру. При этом цель творчества как духовного восхождения остается актуальной в обеих культурах. Внутренний мир мастера находится в процессе постоянного совершенствования понимания высших истин через осознанное переживание. Умение жить, придерживаясь «Срединного пути», неподверженность страстям, а значит, "неблагим" дхармам определяет истинного мастера своего дела. Особенность искусств повседневности буддийского Востока Китая и Японии заключена в том, что процесс творчества не только активизирует духовную работу, но и невозможен без нее. От мастера требуется понимание смысла всеединства, проникновение в него, а не только знание законов Вселенной, иначе икебана останется пучком цветов, а сад камней – кучкой щебня и песка.

Во второй главе **«Духовное восхождение человека в сакральном творчестве искусств повседневности Китая и Японии»** мир искусств показан с точки зрения воплощения в повседневности духовной мысли, представлен как процесс, сопровождающий человека всю жизнь, поскольку естественным и необходимым образом включен в ткань бытия на уровне обыденной жизни.

В первом параграфе второй главы **«Сакральность вещи в традиционной культуре Востока»** исследуется статус вещи, который определяется особенностями духовной культуры и духовными качествами, которыми должен обладать человек творящий, чтобы создавать произведения, в том числе и вещного мира. «Вещь» относится к ключевым понятийным словам, начиная с древнекитайской философской традиции. Творческий процесс, порождающий вещи, окружен на Востоке мистико-религиозным смыслом. Само понятие творчества названо тем же иероглифом, что и Дао, и в контексте искусства трактуется как «Путь». «Моно» (вещь) связано с фундаментальными понятиями духовной культуры, и в древних рукописях Земля и Небо в числе

первых, после Дао, относятся к категории вещей. Многочисленный пантеон богов соответственно так же отождествляется с вещным миром. Вещный мир, которым окружает себя человек буддийского Востока в повседневной жизни, отражает духовные устремления и ценности безотносительно к материальной прагматике обыденной жизни, стирая при этом зыбкую грань между материальным, осязаемым миром и духовным миром бытия Великого Пути и инобытия. Вещный мир выступает в роли учителя жизни в согласии с Дао, соблюдая естественноприродный ритм существования.

Вещью, согласно буддийскому менталитету, называется все видимое и невидимое, все, что обозначено бытием (не в бытовом, но философском значении этого слова), все сущностное или хотя бы заключающее в себе крупинки сущностного. Понятие «вещь» в привычном европейском смысле и «моно», обозначающее понятие вещи в японском языке, не совпадают по ряду признаков. «Моно» отличается одушевленностью, поскольку включает в себя не только «бездушную вещь», но и одушевленные предметы мира. Природа «моно» изначально подразумевает присутствие Дао и высших смыслов, поэтому символизм и ассоциативность, присущие творчеству в восточной культуре, опираются на понятие «явленность» как реализацию «Пути».

Считается, что вещь, созданная «человеком ли», равносильна природно-космической ли, которая несет в себе как явленное, так и неявленное Дао. Творение человека выступает в роли ретранслятора, при этом естественно-природные вещи транслируют истину непосредственно, без искажений. Таким образом, вещь, созданная человеком, транслирует его уровень просветленности, понимания Вселенских законов.

Согласно преданиям древнего Востока, моно заключает в себе «мистическую» и «счастливую» души (повествование о ООмоноуси-но kami). Обладая при этом комплексом дхарм как причиной эмоциональной составляющей, вещь способна насыщать пространство как самостоятельный объект мира Дао. Мастера Востока, создавая произведения согласно традициям и канонам этико-эстетического творчества повседневности, изначально вещь воспринимают как одно из проявлений высшей сущности, имеющую влияние на эмоционально-духовную сферу человека. Так, воздействие на человека произведений иероглифического письма приравнивает их в восточной традиции к религиозным символам.

Один и тот же иероглифический бином в японском языке еще в древних рукописях передавал слово «моно» и в одушевленной, и в неодушевленной ипостаси. а значение восстанавливалось по контексту Китайский язык, в отличие от японского, использует разные иероглифы, обозначающие неодушевленную вещь и живое существо. Фонетически они представляют

собой разные лексические единицы, хотя поля их значений частично пересекаются, образуя зону смысловых конвертаций понятий вещи и живого существа.

Эстетико-философская идея культуры Хайан (794 – 1185гг.), которая является временем расцвета искусств и понимания моно-но аварэ (чары вещей), с этой точки зрения, могла бы звучать как «Дао вещей», поскольку Дао, проявляющее себя в культуре, тогда понималось как аварэ («чары»). Высокодуховный человек по отношению к вещам проявляет непривязанность. В этом заключено осознание паритетных прав существования разных с ним проявлений явленного Дао. Предметная среда одухотворяется в японской культуре еще до буддийской философии, согласно синтоистским традициям. В процессе общения с камнем, картиной и т.д. предполагается особый вид этикета: правила общения, хранения и пользования вещью, что наблюдается в повседневной культуре Востока и сейчас. «Мацури», отношение японцев к природе, вылилось на современном этапе в праздники и демонстрацию отношения к тем или иным вещам как прикосновению к сакральной сфере. Катаизированность (ката - метод, форма, образец) - термин американского востоковеда Боя де Менга - указывает на особенность элементов, определяющих стиль поведения, образ жизни и действия японского народа, что стало источником необычайной чистоплотности японцев и особого отношения к вещам. Вещный мир, включающий в себя объекты живого и неживого мира, подразумевает процесс творчества как сакрального действия и расценивается как метод ретрансляции высших ценностей в мир. Повседневное «общение» с предметами обихода подразумевает для человека буддийского Востока сакральный уровень взаимоотношений в повседневной, обыденной жизни.

Специфика восточного мировосприятия подразумевает закодированность и символизм окружающего пространства. Окружая себя символами в качестве моно. человек проявляет стремление испытывать сопричастность к каким-либо событиям чаще, чем предполагает естественное течение жизни. Поскольку проникновение в суть вещей, согласно духовным учениям буддийского Востока, способно раскрыть сакральный смысл космологических жизненных явлений, таких как течение времени, красота, доброта.

Вследствие концептуального анализа понятия вещи в культуре буддийского Востока можно утверждать, что сакральность восприятия вещи – это основополагающий фактор формирования специфики менталитета человека буддийского Востока, который определил особенности творческого поиска в повседневной культуре.

Во втором параграфе второй главы **«Искусства повседневности как выражение сакральной духовности и практики духовного восхождения**

человека» раскрывается тема этико-духовного содержания искусств повседневности как потенциала сохранения и воспроизведения высших духовных ценностей мастером, который овладел секретами творчества как духовными качествами и способен передать сакральную суть вешного мира. Поскольку репрезентация ценностей на Востоке большей частью проходит посредством невербального общения, то, как следствие, искусства повседневности насыщены символизмом и смысловой поливариативностью.

Симбиоз природы и человека, незримое присутствие Дао и не только стремление, но и умение передать духовный мир человека как творческий импульс, воспроизведенный материально, отражает способность человека выражать через природу и вещный мир художественно-эстетическое понимание себя. Стремление к подобному самовыражению определяется уже на стадиях раннего развития Китайской цивилизации. Пейзажная живопись начала развиваться здесь в первом тысячелетии до нашей эры, ничего подобного не наблюдалось в других ранних цивилизациях. Китайская цивилизация раньше всех сумела осознать и воспроизвести красоту природы в ее гармонической целостности, соответственно учениям о всеединстве и взаимопроницаемости всего сущего.

Этико-эстетическое осознание действительности, характерное для буддийского Востока Китая и Японии послужило причиной возникновения многочисленных и уникальных по своей сути искусств. Подобно каноническому тексту, любое повседневное искусство этой культуры, например икебана, может быть «прочитано» и на самом глубинном религиозно-культурном уровне, предстать, как образ идеального мира и быть воспринято как соединение символов, содержащих нравственный урок. Икебана может быть нежным любовным или дружеским посланием и при этом вызывать восхищение своей красотой. В искусствах нашли образное воплощение все основные принципы Дао, в частности единство и гармоничное взаимодействие противоположных сил Инь (тьмы) и Ян (света). Икебана не воспроизводит натуралистически картину жизни цветов на земле, а конструирует ее предельно совершенную форму, в обыденной жизни чаще всего не выявленную.

Важное место в искусствах уделяется цвету и его комбинациям. Цвета разделяются на иньские и янские, символизирующие первоэлементы и духовное значение сторон света и т.д. Ассоциативный ряд, возникающий у человека буддийского Востока, не совпадает с европейскими учениями на эту тему. Цветовые ассоциации на буддийском Востоке несут глубокий символический смысл, как и геометрические фигуры и линии. Цвет и тематика узора многовариантны и зависят от выражения настроения, зодиакальной ментальности и восточной традиции сочетания цвета в соответствии с

психофизиологическими реакциями человеческого организма. Когда название цвета (или цветка) по звучанию совпадает с нежелательным контекстом, например, сирень (сару-субэри, а «сару» несет значение расставания), то его не используют в свадебной композиции. Ассоциации белого цвета для европейца контрастируют или не совпадают с восточными традиционными белыми одеждами как символом печальных событий. Для восточного человека белый цвет - символ осени (горы белого риса), для западного - воплощает множество других ассоциаций, только не эту. Несмотря на разницу восприятия на ментальном уровне, психофизиологическое, бессознательное воздействие цвета на всех людей практически одинаково. Вследствие этого в работе проведен сравнительный анализ характеристик цветовосприятия человеком европейского и восточного менталитетов. Восточный менталитет связывает восприятие цвета с символикой чакр, где каждый цвет основной гаммы связывается с определенными морально-нравственными качествами и областью физического здоровья, которыми заведует конкретный энергетический центр.

Этико-религиозно-эстетическая духовность - неотъемлемая составляющая искусств повседневности буддийского региона. Нравственные и эстетические идеалы, заложенные в мировоззренческих особенностях культуры Китая и Японии, прочитываются в контексте любого культурного артефакта повседневности и в этом значении выступают духовными практиками восхождения к высшим смыслам. Позитивное восприятие человеком эстетической репрезентации этико-мировоззренческой духовности обусловлено самим контекстом искусств повседневности как творческого акта, заведомо природосообразного и гармоничного проверенного временем, естественным образом вплетенного в ткань жизни и органично сливающегося с духовными потребностями личности и общества в целом. Формирование духовного мира в соответствии с понятиями «ваби» и «саби», «дхьяны» и «самадхи» придает особую значимость искусствам Востока, помогая включить процессы духовной причастности человека вселенскому контексту. Искусства повседневности как духовно-эстетические практики сохраняют и доносят до восприятия и понимания этико-мировоззренческие особенности, включенные в менталитет народа предшествующими поколениями, что обеспечивает необходимую культурную преемственность поколений. При этом следует отметить, что развитие личности только в этико-эстетическом направлении не обеспечивает целостного и гармоничного духовного развития. Только триединство этико-эстетического, интеллектуального и психофизического аспектов обуславливает формирование духовной личности в гармонии микро- и макрокосма на уровне повседневности.

В третьем параграфе второй главы «Искусства повседневности как тренинг психофизических и интеллектуальных качеств в культуре Китая и Японии» раскрывает суть понятий физической и телесной духовности как психофизической составляющей в триединстве с этико-эстетическим и интеллектуальным аспектами духовности. Причиной разделения психофизических практик на телесные и физические стала необходимость уточнения сути духовной работы при созерцании, любовании, медитации. Телесные практики – это воздействие на организм лишь силой мысли, например, медитация разных уровней погружения. Физические практики трактуются как непосредственное воздействие физической активностью на чакральные области организма и участки, с ним связанные. Понятие физической духовности отражено в различного рода гимнастике даосских, йоговских, дзэнских и других школ. Нарушение нравственных норм, согласно древним учениям, ведет к совершенно конкретным физическим проблемам. Телесные и физические практики взаимодействуют аналогично пульсирующим Инь и Ян и чаще используются одновременно. Однако в целях уточнения конкретных особенностей каждой из них в работе характеризуется их собственное использование в сферах повседневной жизни как тренинг высокой духовности.

Взаимосвязь с внешним миром через органы чувств определяет воздействие на здоровье цветом, звуком, запахом и другими сенсорными раздражителями, когда оно через физическое восприятие рецепторами переводится на эмоциональный уровень и влияет на физическое и психическое состояние человека. Физическая и духовная чистота микрокосма как путь гармонизации с макрокосмом, достижение состояния Дао неоднократно и многосторонне отражена каноническими учениями. Повседневность сконцентрировала в себе практики различных канонов, подчас объединяя различные направления йоги или йоговские, даосские, буддийские, дзэнские практики в единую жизнеобеспечивающую систему. Повседневные искусства духовного и физического совершенствования апробируют в обыденной жизни все приходящие практики и системы, оставляя лишь то из них, что соответствует потребностям повседневного человека в его духовном и физическом совершенствовании.

Различные виды боевых искусств аккумулируют в себе практики и телесной, и физической духовности, и этико-эстетическую, и интеллектуальную составляющие. Искусства повседневности, обращаясь к различным практикам боевых искусств, осуществляют тренинг психофизических и интеллектуальных способностей, который заключен практически в любом из них. За счет близкого соприкосновения с

религиозными знаниями, взаимопроникновения физической и телесной духовности в практиках повседневности их трудно разграничить с первоначальными ментальными знаниями. Лишь степень интенсивности воздействия и возможность реструктуризации внутреннего пространства отличается падающим режимом в повседневной жизни человека.

Разгадывание коанов, сложение кратких стихотворных форм хайку и танка, способствует развитию интеллектуальных качеств личности в восточном понимании этого слова - нестандартности мышления, способности к иносказательности и ёмкой лаконичности образов. Интеллектуальная составляющая априорным образом присутствует в большинстве видов повседневной деятельности как неотъемлемая составляющая многофакторного духовного развития (мировоззренческого, этического, эстетического, религиозного, телесного, физического), которое для краткости называем триединством.

Таким образом, искусства повседневности буддийского региона Китая и Японии играют роль синтезатора и регранслятора духовных знаний Востока, поскольку в основе сводов правил и формирования навыков находятся духовные практики в форме интеллектуальных требований. В этой связи повседневная культура приобретает не только художественно-прикладное значение, но и играет многофакторную роль в формировании духовности человека. Искусства повседневности как формы духовных практик сохраняют и закрепляют в культуре народа умения и знания, накопленные предыдущими поколениями в виде различных практик оздоровления организма человека, ежедневных навыков сохранения психического и физического здоровья, развития интеллектуальных способностей, которые поддерживают особенности менталитета человека восточных культур и обеспечивают его передачу последующим поколениям.

В **Заключении** автор считает возможным утверждать, что базовые принципы построения искусств повседневности являются отражением традиционных духовных учений Востока, выходя на уровень самостоятельных духовных практик повседневной жизни, выступая средством духовного восхождения, вплетенного в обыденную жизнь человека сообразно его природе и ментальным особенностям. Сфера традиционных искусств повседневности хотя и находится в состоянии динамики, но при этом изменения происходят, как правило, на ее периферии, не затрагивая глубинные слои многовековых сформировавшихся устоев. Таким образом, восточные искусства повседневности Китая и Японии всесторонне отражают этико-эстетические, психофизические и интеллектуальные особенности формирования микрокосма человека буддийского менталитета в соответствии с катализированностью

культурных традиций и в гармонии как с духовным наследием буддийского Востока, так и потребностями современности.

Основные публикации по теме диссертационного исследования:

1. Чабанец Е.Н., Сысоева Л.С. Освоение восточных искусств повседневности как опыта формирования духовности и тенденций устойчивого развития общества // IV Сибирская школа молодого ученого. Мат-лы VII международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». Томск, 17 – 19 декабря 2001г. Т.5. Культурология и философия. – Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2001. - С. 61 - 65
2. Чабанец Е.Н. Обогащение национально-регионального компонента восточными искусствами повседневности в современном гуманитарном образовании // Общероссийская юбилейная научно-методическая конференция «Непрерывное педагогическое образование: качество, проблемы, перспективы». Томск, 30 – 31 января 2002г. - Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 151 - 158.
3. Чабанец Е.Н. Китайские искусства повседневности как отражение национального мировоззрения и мировосприятия // VI Общероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» 15 – 20 апреля 2002г. - Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2003. - С. 114 – 118.
4. Чабанец Е.Н. Культурологические экспликации классических философских систем Японии// VI Общероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» 15 – 20 апреля 2002г. - Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2003 – С.114 – 118.
5. Чабанец Е.Н. Буддизм как мировоззренческая основа восточных искусств повседневности // Вестник Томского государственного педагогического университета. - 2002. - Вып.4 (32). – Серия: Гуманитарные науки (философия, культурология, история). – С. 56 - 61.
6. Чабанец Е.Н. Философско-мировоззренческие системы Востока и их сопричастность массовому человеку // Мат-лы Международной конференции 1 – 5 июля 2002г., Улан-Удэ «Россия – Азия. Проблемы интерпретации текстов русской и восточной культур». - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2003. - С.116 - 118.
7. Чабанец Е.Н. Духовность педагога как необходимое условие педагогического образования // Мат-лы Международной практической конференции 4 – 5 ноября 2002г.: «Гуманитарные исследования и их роль в развитии педагогического образования». В 2т. Т.1. - Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 167 - 170.

8. Чабанец Е.Н. Восточно-буддистские искусства повседневности как путь к гармонизации личности // Мат-лы Всемирного конгресса востоковедов ICANAS – XXXVII 15 – 21 августа. – Москва: Секретариат XXXVII международного конгресса востоковедов, 2004.- С. 659 - 660.
9. Чабанец Е.Н. Коммуникативная природа прикладного искусства// Культура и коммуникация: глобальные и локальные измерения. Монография./ под общ. ред. д. филос. наук Ю.В. Петрова. – Томск: Изд-во НТЛ, 2004. – С. 370–377. (В соавторстве с С.Д. Проскуровой, М.С.Кухта, Д.Д. Родионовой и др.).
10. Чабанец Е.Н. Эстетические экспликации музейных экспонатов Восточной коллекции ТОКМ // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности: Научный ежегодник Томского МИОН. Колл. монография / отв. ред. М.А. Воскресенская. – Томск: Изд-во НТЛ, 2004. – С. 151 - 155.
11. Чабанец Е.Н. Студия «Сакура». Программа и методические рекомендации по курсу обучения икебана начальной ступени (школа Согэцу)/ под ред. проф. Л.С. Сысоевой. – Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2004. – 44с.
12. Чабанец Е.Н. К вопросу о русско-сибирском менталитете// Мат-лы VIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов, молодых ученых «Наука и образование» 19 - 23 апреля 2004г. В 6т. Т.6.Ч.2. Социология. Культурология. – Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 281 – 285.
13. Чабанец Е.Н. Прикладные искусства повседневности как способ межкультурной коммуникации восточно-буддийской и русско-сибирской культур// Мат-лы IX Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» 25-29 апреля 2005г. Том 4. Часть 1. Культурология, история, философия. – Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2005.- С.151- 159.

2006 А

7609

№ - 7609

Тираж 100 экз.
Отпечатано в КЦ "Позитив"
634050, г. Томск, пр. Ленина, 34а